

и Постановление Конференции министров образования от 16 декабря 2004 г. в редакции 12 июня 2014 г., где указано, что педагог должен знать социальные и культурные условия жизни учеников и влиять на их индивидуальное развитие в рамках школы [4].

По статистическим данным, на 2019 г. в Германии проживало около 13,5 млн детей в возрасте до 18 лет, 5,3 млн из которых дети с миграционным прошлым. 12,8 % лиц с миграционным прошлым не имели аттестата об окончании общеобразовательной школы, а 36,7 % не имели профессиональной квалификации. Для сравнения, по данному критерию в отношении людей без миграционного фона соответствующие значения были значительно ниже – 1,6 % и 12,4 % соответственно [5].

Процессы глобализации и миграционные потоки, с которыми столкнулась как Германия, так и страны ЕС, стали вызовом для образовательной системы ФРГ, социальной интеграции и межкультурного общения. Проблема дискриминации детей с миграционным прошлым остается и на сегодняшний день серьезной в немецкой образовательной системе. Неоднократно доказанное неравное участие в образовании детей мигрантов сконцентрировано непосредственно в самих понятиях социального и миграционного происхождения.

Литература

1. Bericht der Bundesregierung zur Lebensqualität in Deutschland [Elektronische Ressource] // Gut-leben-in-deutschland.de. – Zugriffsmodus: <http://surl.li/dscva>. – Datum des Zugangs: 13.11.2022.
2. Bildung und Migranten [Elektronische Ressource] // Education.ec.europa.eu. Zugriffsmodus: <http://surl.li/dscvq>. – Datum des Zugangs: 13.11.2022.
3. Erklärung der Kultusministerkonferenz zur Integration von jungen Geflüchteten durch Bildung [Elektronische Ressource] // Kmk.org. Zugriffsmodus: <http://surl.li/dscwb>. – Datum des Zugangs: 14.11.2022.
4. Standards für die Lehrerbildung: Bildungswissenschaften [Elektronische Ressource] // Kmk.org. Zugriffsmodus: <http://surl.li/bxkbe>. – Datum des Zugangs: 14.11.2022.
5. Kinder mit Migrationshintergrund [Elektronische Ressource] // Bpb.de. Zugriffsmodus: <http://surl.li/dscwg>. – Datum des Zugangs: 14.11.2022.

Стратегические интересы КНР в Центральной Азии

*Самедова С. Г., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. проф. Свилас С. Ф., д-р ист. наук, доц.*

После распада Советского Союза пять стран Центральной Азии, а именно Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан, стали самостоятельными субъектами международного права, а Центральная

Азия – новым геополитическим регионом на международной арене. Интересы Китая в этом регионе сосредоточены на поддержании безопасности в приграничных районах, борьбе с терроризмом и экстремизмом, получении доступа к стабильным энергопоставкам, расширении зарубежных рынков и доходов от инвестиций [1].

Основные интересы Китая в Центральной Азии можно разделить на интересы безопасности, экономические, энергетические и геополитические. В первую очередь необходимо решить пограничный вопрос со странами Центральной Азии и обеспечить безопасность границ [2]. Китай и три государства Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан – имеют общую границу протяженностью более 3000 км.

Во-вторых, следует развивать экономическое сотрудничество на основе равноправия и взаимной выгоды, способствовать их интеграции в мировую экономическую систему, используя рынок. Китай имеет обширные экономические преимущества в Центральной Азии, включая торговлю, экономическую инфраструктуру, добычу полезных ископаемых и т.д. Центральная Азия является не только регионом с наибольшими достижениями в строительстве инициативы «Один пояс – один путь», но и ключом для реализации ОПОП в будущем. В долгосрочной перспективе Пекин надеется, что региональная экономическая интеграция в Центральной Азии будет прогрессировать, поскольку обеспечит более прочную региональную поддержку глобализации и откроет широкие перспективы для экономического сотрудничества [2].

В-третьих, укрепление взаимовыгодного энергетического сотрудничества со странами центральноазиатского региона, получение энергоресурсов, необходимых для экономического развития Китая, при одновременном обеспечении Пекином инвестиций, технологий, огромного и стабильного рынка экспорта энергии для стран Центральной Азии [2].

Энергетическое сотрудничество КНР со странами региона стратегически взаимовыгодно, эксперты отмечают благоприятные перспективы в области торговли нефтью, разработки и технологий переработки нефтегазовых продуктов. Китай получает большие и стабильные поставки энергии из стран Центральной Азии, а они, в свою очередь, – большой объем инвестиций, передовые технологии, стабильный и огромный экспортный рынок нефти и газа. Энергетическое сотрудничество с Китаем имеет важное стратегическое значение для экономического развития Центральной Азии [3].

В-четвертых, поддержка суверенитета, независимости и территориальной целостности государств региона, их выбора независимого пути развития [2].

Таким образом, взаимодействуя с государствами Центральной Азии, Китай заявляет о своей твердой приверженности таким принципам, как мирное сосуществование народов, неприменение силы, военной силы или угроз,

взаимное уважение, воздержание от установления сферы влияния, продвижение регионального мира и развития. Основные политические инструменты Китая для реализации его большой стратегии в Центральной Азии включают надлежащее решение пограничных вопросов, устранение потенциальных конфликтов, развитие добрососедских и дружеских отношений. Для достижения взаимовыгодных отношений Китай намерен постоянно повышать уровень стратегического партнерства, активно развивать экономическое и энергетическое сотрудничество в регионе.

Литература

1. Чжан, Байцзя. Исторический обзор эволюции внешнеполитических отношений Китая в период осуществления реформ и политики расширения внешних связей (1992–2002 гг.) / Чжан Байцзя // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – № 6. – С. 49.

2. Фэн, Юйцзюнь. Стратегия Китая в отношении Центральной Азии: интересы, принципы и инструменты политики / Юйцзюнь Фэн // Вестник СПбГУ. Международные отношения. – 2019. – № 1. – С. 23–39.

3. Yong, Deng. The Chinese Conception of National Interests in International Relations / Deng Yong // The China Quarterly. – 1998. – № 154. – P. 324–328.

Обеспечение гендерного равенства в сфере политики как один из ключевых приоритетов ООН

*Солдатенкова Ю. Д., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. проф. Свилас С. Ф., д-р ист. наук, доц.*

На протяжении столетий политика и дипломатия считались исключительно мужскими занятиями: мужчины занимали высшие государственные посты, были амбассадорами и несли ответственность за принятие стратегически важных политических решений, а вот женщина, занимавшая подобные должности, являлась, скорее, исключением. В XXI в. ситуация значительно изменилась в пользу женщин, однако они все еще подвергаются дискриминации в осуществлении своих политических прав.

Организация Объединенных Наций является центральным институтом, координирующим международные усилия по достижению всеобъемлющего гендерного равенства, в том числе и в политической сфере. Компетентными структурами, отвечающими за ускорение прогресса в деле достижения целей ООН, касающихся гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин, стали Комиссия по правам женщин – межправительственный орган, созданный резолюцией ЭКОСОС 11(II) от 21 июня 1946 г., и «ООН-женщины», созданная решением ГА ООН в 2010 г. [1].